

Языковая среда сельской школы в Карелии в конце XIX – начале XX в.

Статья выполнена при поддержке программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Русская культура в мировой истории», проект «Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века».

О. П. Илюха,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, заместитель директора по научной работе Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск, РФ)

Правительственные заботы о просвещении «инородцев»¹ на обширном, этнически пестром пространстве Российской империи шли рука об руку со стремлением обратить их в православие или «укрепить в православной вере», подготовить к сближению, а затем и слиянию с русской культурой. И хотя повсеместно краеугольным камнем школы был языковой вопрос, специфика, неповторимость истории народного образования в отдельных районах позволили известному русскому педагогу Н. В. Чехову сделать вывод о том, что в судьбах национальной школы России «едва ли могут быть указаны общие течения» [23, 161]. Заметное влияние на развитие школы национальных окраин оказывали соседние государства и народы.

Две части российской Карелии: специфика «языковых запросов» населения

В соответствии с административным делением XIX — начала XX в. северная, беломорская, часть административно разобщенной российской Карелии

относилась к Кемскому уезду Архангельской губернии (отсюда еще одно ее название — Архангельская Карелия), центральная и южная входили в состав трех западных уездов Олонецкой губернии: Петрозаводского, Олонецкого и Повенецкого (Олонецкая Карелия). Слабое развитие производства в этом крае толкало людей на поиски работы вдали от родных мест. На заработки карелы уходили, как правило, за пределы своей этнической территории, в иноязычную среду. Второй язык, будь то русский или финский (отдельные мужчины-карелы в пределах бытовой лексики владели также шведским и норвежским), осваивался путем естественной коммуникации с его носителями, хотя известны случаи, когда молодые мужчины-отходники изучали второй язык в школах. Владение им становилось фактором социально-профессиональной мобильности, мерилом экономической состоятельности конкретного человека. По записанному в начале XX в. выражению крестьянина-карела из Приладожья, «тот, кто знает русский язык, имеет к обеду не одно блюдо, а два» [11, лд. 32 (1)]. Не случайно в народе второй язык назывался хлебным, т. е. дающим заработок.

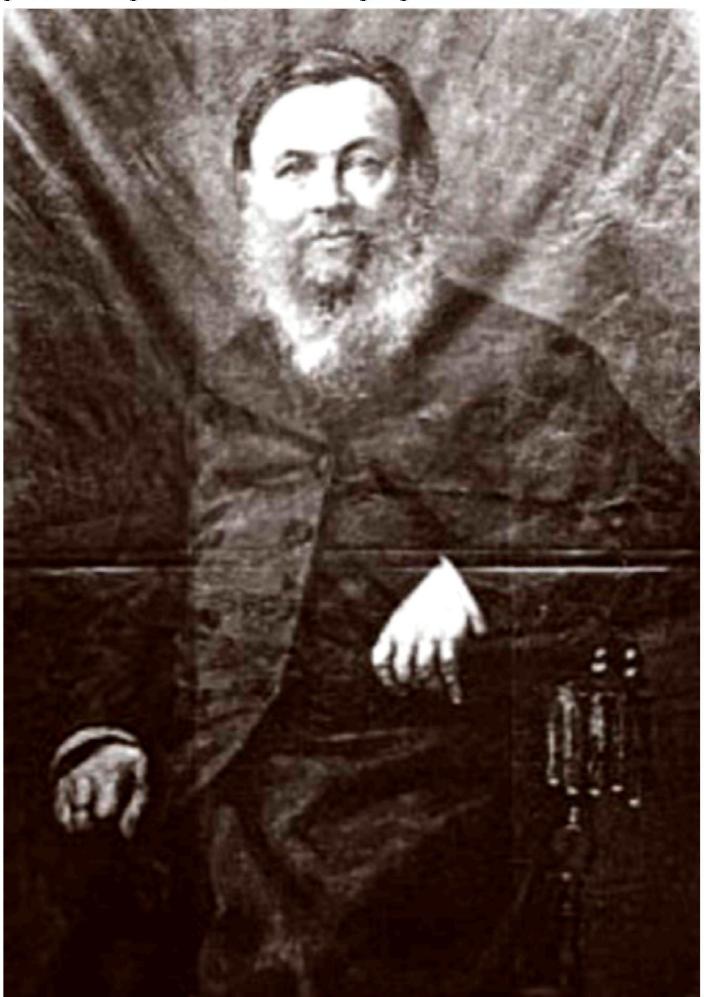
Жизнь и быт волостей, экономически тяготеющих к Петербургу или Поморью, испытывали на себе русское влияние, в то время как западные волости, расположенные вдоль «порубежной черты» — границы с Великим княжеством Финляндским, ощущали воздействие финских традиций. Карельско-русское двуязычие было характерно для южной Карелии, тогда как у северных карел, чье наречие имеет много общего с финским языком, преобладало карельско-финское двуязычие. Языковые запросы крестьян российской окраины влияли на их отношение к русскоязычной школе.

¹ К числу «инородцев» в конце XIX в. наряду с восточными народами стали относить и западные, за исключением украинцев и белорусов.

Идеи Н. И. Ильминского и их проекция на Карелию

Главенствующими в выработке решений о языке преподавания в школах России были политические, а не педагогические основания. Даже приверженцы либерализма в России не ставили вопрос о том, что местные языки должны заменить русский в школе полностью, а лишь говорили о целесообразности достижения баланса между русским и соответствующим родным языками [25, 517]. Контекст дебатов по данной проблеме в рассматриваемый период в значительной мере определялся постановлением совета министра народного просвещения от 2 февраля 1870 г.

Н. И. Ильминский

На содержании постановления, в свою очередь, сказались инициативы известного просветителя Н. И. Ильминского (1822–1891), разработавшего особый подход к образованию нерусских народов империи. Желая оградить языки народов Поволжья от татарского влияния с его исламской сутью, Ильминский считал необходимым создать их письменность на основе кириллицы, графический облик которой воспринимался как идеографическое выражение православия. Таким образом, кириллический в своей основе русский алфавит как алфавит православия должен был стать щитом против исламизирующего арабского алфавита татар-

ских мусульман, а лингвистическое разнообразие – защитным валом против татарского универсализма. Желание самого Ильминского сохранить местные языки объяснялось в значительной степени миссионерскими, но также и лингвистическими соображениями [25, 518].

За основу обучения детей в «инородческих» школах Ильминским были взяты следующие положения: «а) орудием первоначального обучения для каждого племени должно быть его родное наречие; б) учителя инородческих школ должны быть из среды инородцев и при этом хорошо знающие русский язык, или же русские, владеющие соответствующим инородческим наречием; в) должно быть обращено внимание на образование женщин, так как племенное наречие и племенные особенности инородцев преимущественно сохраняются и поддерживаются материями» [10, ф. 335, оп. 1, д. 11/173, л. 60]. Поскольку метод Ильминского способствовал интеграции нерусских народов в обширное имперское общество и их русификации, он привлек к себе пристальное внимание и нашел одобрение не только министра народного просвещения Д. А. Толстого, но и императора Александра II.

В постановлении 1870 г. признавалось наличие большого разнообразия нерусских народов империи. Они делились в нем на три группы: «не обрусельные»; «живущие в окружении русских»; «обрусельные». Последние считались, в сущности, русскими и должны были соответственно обучаться на русском. Целями начального образования первой группы были духовное просвещение на основе православной веры и изучение русского языка. В этой группе начальное обучение, как устное, так и письменное, должно было вестись на родном языке. Учебниками должны были служить буквари, молитвенники, короткие рассказы из Библии и другие религиозные тексты. Их предполагалось печатать на родном языке буквами кириллицы. Разговорному русскому следовало учить с первого дня учебы, а обучение русской грамматике – начинать несколькими месяцами позже [15].

В школах для населения, уже несколько знакомого с русским языком благодаря близости русских поселений, к каковым относились и карелы, русский должен был служить языком преподавания, а родной следовало использовать устно, чтобы помогать в обучении (по причине отсутствия карельской письменности вопрос о преподавании родного языка в начальных школах Карелии вообще не рассматривался). В школах для «инородцев» двух первых групп учителями должны были быть представители местных народов, знающие русский, или русские, владеющие местным языком. В основе обучения языку лежал *переводной метод*, использовавшийся Ильминским. Постановление давало местным школьным властям возможность довольно свободно выбирать методику обучения в начальных школах.

В 1872 г. на страницах «Архангельских губернских ведомостей» была обозначена официальная позиция местных властей по отношению к языку преподавания

в карельских школах: от учителя требовалось знание карельского языка, но при этом подчеркивалось, что русский язык, «будучи несравненно богаче и развитее карельского, с распространением среди карелов образования, совершенно вытеснит последний» [1].

Школьная администрация Олонецкой губернии предпринимала попытки обязать учителей в течение двух первых лет работы в карельской местности овладеть языком местного населения в необходимой для работы степени, в противном случае предполагалось увольнение. Будущие преподаватели изучали карельский язык в Олонецкой и Архангельской духовных семинариях и Вытегорской учительской.

В 1890-х гг. на фоне нарастания русификаторских тенденций метод Ильминского подвергся гонениям в большинстве регионов страны. Однако в Архангельской губернии (впрочем, как и в Казанском школьном округе) в конце XIX в. продолжались настойчивые попытки внедрения этого метода. Идейным вдохновителем такой работы был епископ Никанор – бывший председатель Казанского миссионерского общества Гурия, соратник и последователь Ильминского. В 1893 г. он организовал в Архангельске местный комитет Православного миссионерского общества, ставившего задачей устройство церквей и школ и перевод молитв на нерусские языки. В 1894 г. при комитете была создана переводческая комиссия, куда вошел ряд священников, знавших языки народов Архангельского Севера. Под влиянием призывов миссионерского общества использовать систему Ильминского в шко-

лах для «инородцев» предпринимались попытки создания алфавита карельского языка и издания брошюр с параллельными текстами на карельском и русском языках. В 1894 г. в Архангельске вышла в свет «Азбука для карелов, живущих в Кемском уезде», подготовленная священниками и предназначенная для церковно-приходских школ². Хотя азбука была далека от совершенства и с лингвистической, и с дидактической точек зрения, все же бесспорным ее плюсом является то, что в основе книги лежал родной язык обучаемых.

Так же, с параллельными текстами на русском и карельском языках, в 1895–1900 гг. были изданы четыре Евангелия и «Краткая Священная история Ветхого и Нового Завета». Применение этих книг в школах не принесло успеха. Школьное руководство было вынуждено признать их непригодность для учебных целей. О последней из упомянутых брошюров наблюдатель церковно-приходских школ Кемского и Александровского уездов священник В. Мелетьев отзывался так: «...язык этого руководства изобилует деепричастными оборотами, в нем не соблюден принцип постепенности в усложнении языка. Оно трудно для усвоения текстов даже для русских детей» [3, оп. 1, д. 624, л. 8].

² В этот же период миссионерское общество издаст «Букварь для самоделов, живущих в Архангельской губернии» и «Азбуку для лопарей, живущих в Кольском уезде Архангельской губернии» (1895).

Усиление русификаторских начал в работе школы: тирация «естественного» метода

В 1896 г., когда Никанор перевелся в другую епархию, переводческая деятельность была постепенно свернута, но, несмотря на новые официальные приоритеты, во многих школах Архангельской Карелии сохранялось преподавание по системе Ильминского или, по крайней мере, элементы переводной системы. Кемское отделение епархиального училищного совета в конце XIX в. утвердило рекомендации по преподаванию русского языка детям карел. В первый год обучения, прежде чем приступить к изучению азбуки, учитель должен был вести так называемые разговорные уроки, с целью «хотя бы несколько ознакомить учащихся с русской речью». Необходимо было ежедневно заучивать с учениками по нескольку русских слов, «составлявших предметное единство». Требовалось также проводить систематические упражнения для выработки произношения. Со второй половины первого года обучения родной язык практически полностью исключался из школы. Учитель должен был «непременно наблюдать за тем, чтобы учащиеся говорили в школе по-русски, а употребление инородческого языка самими учащими (учителями. – О. И.) на уроках допускать лишь в исключительных случаях, т. е. тогда только, когда данное слово не поддается наглядному изображению» [10, ф. 411, оп. 1, д. 2/23, л. 5–6].

В большей мере карельский язык допускался на уроки Закона Божьего, где нужно было объяснение многих отвлеченных понятий. На карельском и финском языках заучивались также отдельные молитвы. Наблюдатель церковно-приходских школ В. Мелетиев в начале XX в. писал в своих отчетах: «Следует требовать от законоучителей, чтобы занятия с вновь поступившими учениками в течение первого полугодия вели на родном языке детей, а начиная со второго полугодия первого учебного года обращались к родному языку лишь как к вспомогательному средству для объяснения непонятных слов, выражений и понятий» [3, оп. 1, д. 624, л. 7].

В Олонецкой губернии использование метода Ильминского резко сократилось уже в начале 1890-х гг. Было пересмотрено и отношение к использованию в школах карельского языка. Директор народных училищ Олонецкой губернии Д. Мартынов четко сформулировал русификаторскую идею применительно к школе в Карелии: «Смотреть на карельский язык как на такое знание, от которого школа должна детей отучать». Отвечая на запрос министра народного просвещения об обучении детей в карельских школах, он писал в 1895 г.: «Говорить по-карельски и учителю, и ученикам строго воспрещается, потому что употребление в преподавании карельского языка в прежнее время служило главным тормозом к успешному, в русском смысле, течению дела в карельских училищах... Знание уни-

телем карельского языка, как показывает опыт, невольно влечет учителя к преподаванию на карельском языке, а это весьма вредит делу...» Далее Мартынов утверждал: «...нет никакой необходимости заботиться Правительству о подготовке учителей для инородцев. Следует только настойчиво требовать от учителей выполнения вышеизложенных порядков» [22, оп. 1, д. 8437, л. 9].

К середине 1890-х гг. преподавание карельского языка уже не велось ни в одном из учебных заведений, готовивших учителей. В таких условиях школьным преподавателям приходилось осваивать основы карельского языка в процессе общения с учениками. Известны случаи, когда начинающий учитель ходил по деревне с ребенком-переводчиком, через переводчика общался с родителями учащихся. Подобная практика («прибегнуть к толмачу из учеников») в 1890-х гг. официально рекомендовалась дирекцией народных училищ Олонецкой губернии. Старшие дети, сколько-нибудь освоившие русский язык, помогали младшим, т. е. применялись элементы ланкастерской системы обучения [10, ф. 1, оп. 1, д. 8/6, л. 21–35; 12, 5; 22, оп. 1, д. 8437, л. 9].

На состоявшемся в 1892 г. в Петрозаводске съезде учителей были приняты рекомендации относительно обучения русскому языку в карельских школах Олонецкой губернии. Съезд признал обучение русскому языку (разговорной речи) главным предметом младшего отделения. Основной хрестоматией для чтения становилась книга М. А. Вольпера³ «Русская речь», составленная специально для нерусских школ. В 1890-х гг. все школы Олонецкой губернии пользовались также «Азбукой-скороучкой» Мартынова. В основе обучения грамоте лежал альтернативный переводной системе «естественнй», или «натуральный», метод (хулители называли его немым), полностью устранивший родной язык как язык преподавания. В младшем отделении карельских училищ учитель показывал детям предметы или их рисунки, изображал какое-либо действие, сопровождая показ соответствующим русским словом. Дети вслед за учителем повторяли слова. На слух усваивались тексты отдельных молитв, на уроках чтения изучались азбука и элементарные правила правописания.

При практическом использовании «естественный» метод был безжалостен к ученикам. И учителя, и ученики должны были общаться исключительно по-русски как в классе, так и вне его. Чтобы добиться этого, приходилось отказываться от услуг учителей, знакомых с местным языком. В реакционном климате правления Александра III «естественный» метод обосновался в русских школах в начале 1890-х гг., особенно после смерти Ильминского в 1891 г. На грани веков он стал самым популярным методом преподавания в школах различной юрисдикции, созданных для нерусских детей.

³ Русский педагог, методист, опиравшийся на учение К. Д. Ушинского.

Местные усовершенствования методики обучения школьников русскому языку

Наиболее опытные и талантливые учителя искали пути, облегчавшие усвоение русского языка детьми, стремились обобщить свой опыт работы в карельской школе, поделиться им с коллегами. Преподаватель Кимасозерского училища (Кемский уезд Архангельской губернии) И. В. Оленев разработал рекомендации по использованию в карельских школах уже упомянутого учебника Вольперта «Русская речь», предназначенног для нерусских школ. Сторонник «натуралистического» метода, Вольперт отрицал необходимость опоры на родной язык при обучении русскому, считая главным средством семантизации русских слов показ натуральных предметов или их изображений.

Оленев в целом приветствовал «натуральный» метод обучения русскому языку, полагая, что разумное его использование может привести к очень хорошим результатам. Однако он выступал категорически против полного изгнания родной речи из школы и, тем более, наказания детей за употребление родного языка в стенах учебного заведения.

Для лучшего овладения детьми русским языком Оленев предлагал в ряде случаев опираться на их

родную речь. Он призывал коллег к обучению грамматике и выработке произношения с учетом грамматических норм и фонетических особенностей карельского языка. Предметом его внимания стали трудные для произношения учеников-карел звонкие согласные звуки, а также отсутствующие в карельском языке грамматические формы (согласование частей речи по родам, употребление предлогов и т. д.). Заметки Оленева об особенностях обучения карельских детей русскому языку были напечатаны в 1899 г. в столичном педагогическом журнале демократического направления «Русский начальный учитель» [12].

Официальное признание в Олонецкой губернии получила методика преподавания русского языка, предложенная учителем Вохтозерского училища К. И. Дмитриевым — сторонником идеи Ушинского о народности в воспитании и обучении. «Естественный» метод обучения русскому языку автор конкретизировал применительно к специфике карельской школы, подчеркнув, что в такой школе учитель вынужден идти «особым путем». Акцент в данной методике сделан на наглядности, на создании зрительного образа предмета или явления перед заучиванием русского слова. Для достижения этой цели Дмитриев создал своеобразный музей наглядных пособий: маленький шкаф, в котором размещались около 150 моделей разных предметов, отражающих природу и быт карельской местности.

Учитель и ученики земского училища.
М. А. Круковский. 1899. РНБ

Экспонаты уникального музея были представлены на Всероссийской сельскохозяйственной выставке 1895 г. в Москве, где их создатель был удостоен серебряной медали [22, оп. 1, д. 8437, л. 46].

Заслуга Дмитриева в создании музея становится особенно ощущимой, если учесть общий невысокий уровень обеспеченности школ Карелии учебными пособиями и даже писчебумажными принадлежностями. В начале XX в., по мере улучшения материального положения учебных заведений, в ряде карельских школ последователями Дмитриева были созданы музеи наглядных пособий. Они включали в себя предметы «в натуральном виде», а также в виде моделей, чучел и т. д. Многие учителя творчески подходили к делу, расширяя круг предметов быта. Коллекции пополнялись таблицами по ботанике, зоологии, анатомии.

Методика Дмитриева, впервые опубликованная как приложение к материалам съезда учителей Олонецкой губернии 1892 г., была официально одобрена и широко востребована. В дополненном и переработанном виде она была переиздана спустя десять, а затем еще через шесть лет в качестве приложения к трудам съездов инспекторов народных училищ Олонецкой губернии, состоявшихся в 1902 и 1908 гг. Дмитриев подчеркивал, что суть его метода – не зурбажка, а понимание смысла. Он считал, что при обучении русскому языку необходимо «включить» все каналы восприятия информации учеником: не только зрение и слух, но также осязание и обоняние, используя для этого специальные пособия. Например, при изучении прилагательных, передающих вкусовые качества, предлагалось раздать учащимся по щепотке сахара, соли, хинны и по ягодке клюквы; для лучшего усвоения слов, характеризующих запахи, – три кусочка мыла: «простое», дегтярное и душистое.

На грани веков «естественный» метод стал самым популярным методом преподавания в школах различной юрисдикции, созданных для нерусских детей.

По мере накопления опыта Дмитриев совершенствовал методику. Со временем он дополнил ее рекомендацией с первых же дней учебы ввести обучение школьников рисованию и применять его затем на протяжении всего курса обучения «как пособие при изучении русского языка». Он советовал учителям завершать работу над каждой прочитанной и разъясненной в классе статьей домашним заданием по изложению на рисунке «всего мотива по своему усмотрению и пониманию» [4, 175].

При всех бесспорных плюсах отдельных дидактических приемов методика Дмитриева была не лишена недостатков и находила своих оппонентов. В августе 1906 г. на съезде инспекторов Олонецкой губернии с серьезной критикой ее выступил П. П. Николаевский –

инспектор народных училищ Повенецкого уезда. Претензии вызывал базовый принцип методики – практически полное исключение карельского языка из процесса обучения. Николаевский резко возражал против того, чтобы учитель начинал свое общение с детьми через переводчика – старшего ученика. Собственную позицию он изложил в духе учения Ильминского: «Лучшей системой обучения в инородческой школе я признаю ту, которая употребляет, особенно на первых порах, язык инородцев. При этой системе считаю безусловно необходимым для учащих лишь знание инородческого языка, злоупотреблять которым, конечно, не следует, но обойтись без которого считаю невозможным» [10, ф. 335, оп. 1, д. 11/173, л. 57–59]. Заявление Николаевского, несомненно, было реакцией на те изменения, которые происходили в общественных настроениях страны.

Возврат на прежние позиции? «Финский фактор» в школьном деле Карелии

Первая русская революция и вызванный ею Закон о веротерпимости (апрель 1905 г.) положили начало новой эре в борьбе за души «инородцев» и подтолкнули Министерство народного просвещения к пересмотру неупорядоченной политики в области начального образования. В том же 1905 г. в г. Петербурге было созвано совещание по вопросам образования «восточных инородцев». В рекомендациях о языке обучения отмечалось, что преподавание на родном языке может быть позволено только тем народам, которые имеют свою письменность и литературу. Такими языками были признаны польский, литовский, немецкий, татарский, латышский, эстонский, армянский, грузинский. Прочие языки как «не имеющие письменности и литературы» допускались в школы только в два первые года обучения [13, 401–402]. Разумеется, это в полной мере относилось и к карельскому языку, для которого все еще не был разработан алфавит, адекватный его фонетике.

С учетом вышеуказанных рекомендаций 31 марта 1906 г. Министерство народного просвещения утвердило правила «О начальных училищах для инородцев» (в ноябре 1907 г. в них были внесены поправки), целью которых было распространить систему Ильминского на «инородческие» школы по всему востоку и западу России. В течение первой половины школьного курса предусматривалось обучение нерусских детей на их родном языке, затем осуществлялся переход на русский язык преподавания. Учебники следовало издавать на родном языке буквами кириллицы [7]. Правила требовали, чтобы «учителями и учительницами в училищах для инородцев состояли либо инородцы того племени, для которого данное училище учреждено, либо русские, знающие родной язык учащихся». По этому поводу в 1907–1908 гг. в «Журнале министерства на-

родного просвещения» появилось несколько разъяснительных статей. В них подчеркивалось, что система Ильминского в отличие от «естественного» метода уважительно относится к местным языкам, способствуя при этом пониманию «инородцами» русской культуры и создавая атмосферу единения русских и нерусских [24]. В условиях достаточно либеральной цензуры революционной эпохи к дискуссиям о языке начального образования присоединилась общественность.

При обучении русскому языку необходимо «включить» все каналы восприятия информации учеником: не только зрение и слух, но также осязание и обоняние, используя для этого специальные пособия.

Обсуждение проблемы на местном, губернском, уровне стимулировалось возросшим влиянием Финляндии на умонастроения карел и формировавшимся карельским национальным движением. Заброшенная, обычно спокойная окраина России в этот период вызывала озабоченность правительства. Рост в соседней Финляндии антироссийских настроений сопровождался повышением интереса к соплеменникам-карелам, поиску общих финно-угорских корней, объединяющему прошлому и, как представлялось, общему будущему.

Опасения российских властей были связаны с угрозой проникновения идей панфиннизма – идеологии, выражавшей стремление к сближению и объединению финно-угорских народов, вплоть до создания «великой Финляндии». Воспользовавшись уступками, на которые самодержавие было вынуждено пойти в годы первой русской революции, в российскую Карелию отправились финские лютеранские миссионеры и проповедники. Просветительскую работу организовал Союз беломорских карел, основанный в 1906 г. в г. Тампере переселившимися в Финляндию беломорскими карелами, прежде всего купцами. Его целью было всемерное сближение карельских волостей с Финляндией, оказание поддержки национальным, духовным и материальным устремлениям соплеменников, проведение просветительной работы в духе «насаждения племенного чувства единства карел и финнов». Для осуществления своей программы в области школьного дела Союзом было сформировано специальное школьное правление. Осенью 1906 г. Союз беломорских карел начал создавать в Архангельской Карелии передвижные школы с преподаванием на финском языке, библиотеки и читальни, укомплектованные книгами из Финляндии [5; 17; 26].

В декабре 1905 – январе 1906 г. на собраниях и митингах крестьян в Беломорской Карелии было сформулировано требование вести преподавание в учебных заведениях на родном языке; высказывалась заинтересованность в изучении финского языка. Съезд деятелей Русской православной церкви, состоявшийся в

г. Кеми в сентябре 1907 г., выразил опасение, что знание карелами финского языка может оказать идеологический вред, явиться «проводником финских идей». Тем не менее была признана возможность преподавания финского языка как практически значимого в качестве «необязательного предмета для карельских детей по окончании ими курса начальной школы на дополнительном пятом курсе» [10, ф. 1, оп. 1, д. 102/2, л. 30]. Это заявление трудно оценить иначе, как фарс, поскольку немногие из учеников по причине бедности могли закончить даже четыре основных класса, что было хорошо известно участникам съезда. Чиновники Архангельской дирекции народных училищ, в свою очередь, рассматривали введение финского языка в карельских школах «как средство приобщения карел к русской (!) культуре». Логика рассуждений состояла в том, что введение финской грамоты в качестве «необязательного предмета» удержит учеников в карельских школах (приобретающих таким образом особый тип) и воспрепятствует их желанию поступать в школы Финляндии. Однако эти планы так и не были осуществлены.

Отмеченные события определили направление дискуссий и в Олонецкой Карелии, проходивших, в частности, на школьных съездах разного уровня – инспекторских и учительских (губернских и уездных). На съезде инспекторов народных училищ Олонецкой губернии в 1906 г. обсуждался вопрос о языке преподавания в школах края. Важна формулировка вопроса, вынесенного на обсуждение по инициативе директора народных училищ Г. А. Попова: «Как относиться к требованиям, если такие будут, о преподавании предметов начальной школы на родном инородцам языке?» В результате обсуждения вопроса съезд пришел к выводу, что в связи с расширяющимся использованием русского языка карелами подобные требования едва ли появятся [10, ф. 335, оп. 1, д. 11/173, л. 28].

Протоколы учительских съездов и съездов инспекторов народных училищ Олонецкой губернии 1906–1908 гг., публикации писем учителей в местной периодической печати позволяют проследить эволюцию суждений и мнений по данному вопросу. Если состоявшийся в августе 1906 г. съезд инспекторов высказал лишь *пожелание* того, чтобы в инородческие школы назначались лица, знакомые с языком местного населения, то съезд инспекторов народных училищ, деятелей Олонецкого земства и представителей духовного ведомства в июне 1908 г. признал *необходимым и обязательным* знание языка местного населения для учителя, преподающего в карельской школе [20, 61]. В утвержденной съездом инспекторов в 1908 г. методике преподавания естествознания, например, рекомендовалось обращаться к лексике родного языка как к средству семантизации отдельных понятий. В частности, предлагалось использовать местные названия объектов флоры и фауны. Директор народных училищ Г. А. Попов годом ранее пояснил, какой уровень знания карельского языка желателен для учителя: «Учитель карельской

школы должен быть до некоторой степени знаком с карельским языком, чтобы понимать местное население и не особенно затрудняться при выяснении разных понятий детям, но ни в коем случае не должно быть допускаемо преподавание на карельском языке: оно должно производиться исключительно на русском языке» [14, 13].

Карельское православное братство, имевшее влияние на школу, особенно церковно-приходскую, рассматривало карельский язык как «средство для миссионерских целей братства», не упуская при этом из внимания конечную цель – «ознакомление всех карел с русской речью» [10, ф. 335, оп. 1, д. 5/76, л. 4].

Карельский язык на страницах книжных изданий. Патриотический аспект споров об алфавите

Повысившееся внимание местных деятелей образования к карельскому языку и некоторое расширение его использования в школе потребовали проведения соответствующей работы. Во-первых, это касалось обучения учителей. Для выполнения поставленных задач в Петрозаводской учительской семинарии и ряде других учебных заведений, готовивших учителей, было введено изучение карельского языка и методики преподавания русского языка «инородцам». Программа обучения карельскому языку в учительской семинарии была рассчитана на три года и включала в себя обширный раздел по методике обучения детей в карельской школе. При этом семинаристы также основательно изучали «натуралистический» метод обучения русскому языку, стержнем которого оставалась наглядность. Во-вторых, требовалось расширить имеющиеся знания о самом языке. С этой целью губернское земское собрание в ноябре 1907 г. приняло решение об ассигновании средств на дело изучения карельского языка и составление картотеки карельских слов [10, ф. 79, оп. 2, д. 1/20, л. 8; ф. 1, оп. 1, д. 102/2, л. 37].

Опасения российских властей были связаны с угрозой проникновения идей панфиннизма – идеологии, выражавшей стремление к сближению и объединению финно-угорских народов, вплоть до создания «великой Финляндии».

В помощь учителю, изучающему карельский язык, в 1908 и 1913 гг. были изданы два небольших русско-карельских словаря. Первый – на диалекте карел-людиков – был составлен русским учителем М. Д. Георгиевским из с. Святозеро Петрозаводского уезда, второй – на ливвиковском диалекте – подготовил по поручению Карельского православного братства уни-

тель-карел В. И. Королев из с. Видлицы Олонецкого уезда. В 1913 г. был издан также «Русско-чудский словарь с некоторыми грамматическими указаниями», составленный учителем П. К. Успенским.

Качество указанных работ оставляло желать лучшего. Заведующий Олонецким отделением Карельского православного братства священник Д. В. Островский в письме олонецкому губернатору оценил русско-карельский словарь М. Д. Георгиевского как неполный, страдающий неточностями в передаче карельской речи. Тем не менее он рекомендовал словарь для использования: «...за неимением других подобных изданий, он может быть полезным пособием для русских людей, живущих в Карелии и имеющих нужду в изучении карельского языка» [10, ф. 1, оп. 1, д. 102/2, л. 186]. Предисловие к словарю написал академик Ф. Ф. Фортунатов.

Сфера применения карельского языка в школе была распространена на уроки Закона Божьего и внеклассные мероприятия с целью более эффективного приобщения школьников к православию. Руководство по Закону Божьему для школ в местностях с карельским населением разработал о. Николай Чуков. По его просьбе священник В. М. Никольский выполнил перевод на карельский язык. В 1908 г. двуязычная книга с параллельными текстами была выпущена в свет карельским православным братством в количестве трех тысяч экземпляров [8].

Активную издательскую работу на карельском языке развернули отделения Карельского православного братства: Михайловское в Архангельской, Георгиевское – в Олонецкой губернии и в Финляндии. Оба братства имели собственные издательские комиссии. В марте 1907 г. в г. Кеми братством была учреждена издательская комиссия во главе с настоятелем Кемского собора Николаем Дьячковым. Она развивала традиции Архангельского миссионерского общества, издавшего в 1890-х гг. несколько брошюр с параллельными текстами на карельском (с применением кириллицы) и русском языках. Ставилась задача распространять в Карелии брошюры и листки, разъясняющие учение православной церкви.

Члены переводческой комиссии, созданной в 1907 г. в г. Кеми в соответствии с указом Архангельской духовной консистории, при осуществлении переводов на карельский язык столкнулись с нехваткой лексики, с проблемой передачи церковно-богословских понятий. Не находя аналога в карельском языке, они использовали финские слова, «придавая им карельское произношение». По этой причине стал дебатироваться вопрос о возможности использования латинского алфавита. Дискуссия, развернувшаяся в основном между духовенством Финляндской епархии Русской православной церкви, с одной стороны, и представителями Синода – с другой, в значительной мере повторяла аргументацию 30-летней давности, когда сторонники и сподвижники Ильминского начали работу по созданию письменности для российских «инород-

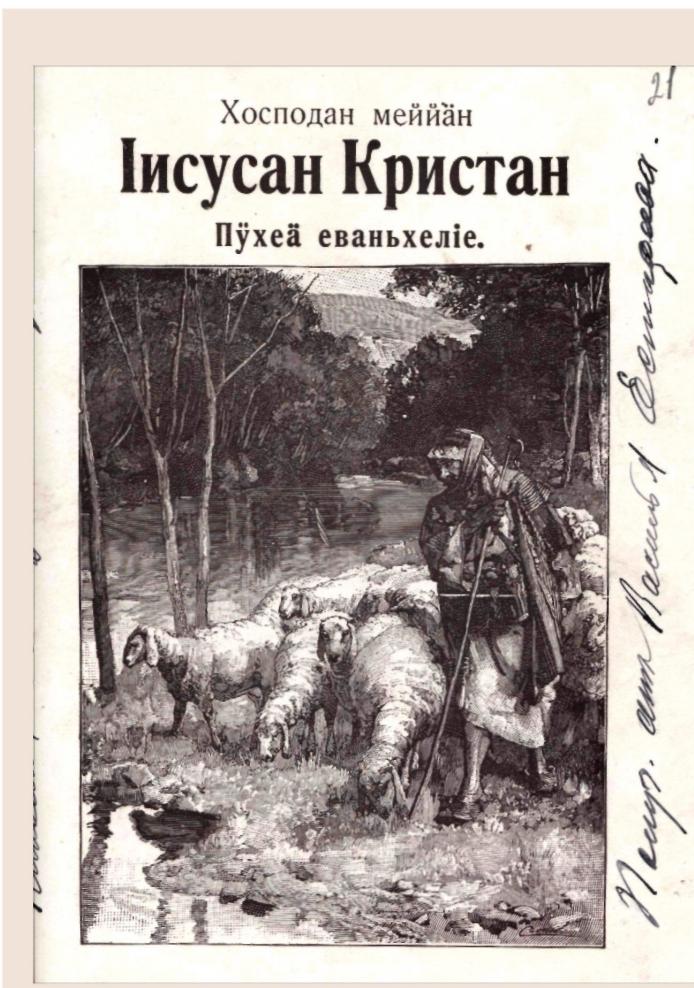

цев» (в основном народов Поволжья). Тогда же, в 1870-х гг., Синодом были отвергнуты аргументы в пользу латинского алфавита как более подходящего для выражения звуков карельского языка. При отборе аргументов в пользу кириллицы обращалось внимание на семантическую окрашенность алфавитов (алфавит расценивался как своего рода матрица, вбравшая в себя культурные коды связанных с ним религиозных учений). С другой стороны, в манипулятивной политической риторике, отвергавшей научные аргументы, подчеркивался глубокий политический и патриотический смысл использования русского алфавита как «алфавита правительенного, способного объединить народы, а через него объединить народы и языкок государственным» [6].

В Карелии использовалась предложенная Ильминским схема, согласно которой литература для крещеных татар печаталась кириллицей, чтобы закрыть им доступ к татарской мусульманской культуре на арабице. Теперь таким же способом пытались защитить православных карел от опасного влияния лютеранской культуры на латинице. Отмечалось и практическое удобство использования кириллицы, облегчающей переход «от инородческих книг с русским алфавитом к книгам чисто русским». Другими словами, алфавит

должен был служить своего рода мостом между родным и русским языками.

Возросшее в тот период внимание к идеологическим задачам школы ярко иллюстрирует записка «О современном состоянии карел как особой народности и о начальных руководствах, которые желательны в школах Карелии для более успешного усвоения карелами русского языка», составленная чиновником особых поручений при финляндском генерал-губернаторе В. Крохином и адресованная министру народного просвещения (18 января 1908 г.). В. Крохин не сомневается в том, что письменность карел, «настолько обрусевших, что они стоят теперь ближе к русским, чем к финнам, и часто называют даже себя русскими», нужно развивать на основе кириллицы, дополнив русский алфавит буквами ё, ю для передачи мягких звуков карельского языка. В следующем пассаже его записи дети фигурируют как объект безусловно политического интереса: «Печатание карельского текста русскими буквами тем важнее, что утвердит в детях карел представление о тождестве своего карельского с русским вообще, и лишит финляндцев возможности проводить в среду карел идеи панфиннизма» [16, оп. 175, д. 408, л. 1–2]. Использование кириллицы для передачи карельского языка

Обложки религиозных брошюр на карельском языке

закрепляло идею родства карел и русских на уровне подсознания. Знак алфавита становился символом России.

Катализатором попыток создания алфавита карельского языка (они неоднократно предпринимались и в XIX в.) стало издание в 1907 г. в Финляндии букваря «Pieni Alku-opastaja Vienan karjalaisille» («Маленький начальный учитель для беломорских карел»). Иллюстрированная книга состояла из 35 разделов в соответствии с количеством букв. Его создатели положили в основу финский язык, вовсе не ориентируясь на местный диалект карельского [2, 123]. Издание было частью обширной программы Союза беломорских карел по поддержке карельских школ, однако российские власти запретили пользование книгой. Букварь, содержание которого будоражило национальное чувство и отвечало выдвинутой издателями задаче формирования национального самосознания карельского народа, был конфискован, не успев попасть в школы.

Использование кириллицы для передачи карельского языка закрепляло идею родства карел и русских на уровне подсознания. Знак алфавита становился символом России.

52

В российской Карелии к работе над алфавитом привлекались учителя и священники «из природных карел». Начиная с 1908 г. братство выпустило на разных карельских диалектах около полутора десятка брошюр религиозно-нравственного содержания, в том числе руководство для учителей Закона Божьего в карельских школах. Почти все они имели параллельные тексты на карельском и русском языках.

Несовершенство алфавита, неразработанность грамматических норм, а также многообразие говоров внутри собственно карельского диалекта, на котором говорили северные карелы, – все это служит объяснением того, что тексты книг, изданных братством, не всегда были понятны карельским крестьянам и школьникам. Тем не менее в ходе переводческой работы, к которой привлекались учителя и священники, осуществлялись развитие карельского языка, обогащение его новыми понятиями и терминами. Однако на том этапе еще отсутствовали необходимые предпосылки для создания его литературной формы. Прежде всего, не было соответствующей теоретической базы, поскольку лингвистические исследования в данной области только начинались: финский ученый Арвид Генетц заложил основы карельского языкоznания своими работами «Исследование карельского языка России» (Хельсинки, 1880) и «Исследование ливвикового диалекта» (Хельсинки, 1894). Сдерживающим фактором в выработке единых грамматических норм языка было разнообразие его говоров и диалектов,

а самое главное, отсутствие подготовленных кадров. И все же, начавшаяся активная переводческая деятельность была временем поисков, творчества. Она могла бы стать инкубационным периодом в рождении литературного карельского языка, не будь последующих социальных катаклизмов.

Казавшаяся российским властям реальной угроза «финнизации» и «олютеранизации» карел в результате деятельности финских проповедников, проникновения из Финляндии «в среду самой империи» вражды к началам русской государственности [10, ф. 335, оп. 1, д. 6/98, л. 1] заставила обратить на школу в карельских районах особое внимание. Карельский язык был допущен в школу (после большого перерыва) с целью повышения эффективности борьбы с лютеранством и «панфиннизмом». Отзвуком усиливавшейся в стране реакции в отношении «инородческой» школы стало принятие в 1910 г. представителями Олонецкого совета карельского православного братства решение добиваться совершенного прекращения карельской речи в стенах школы после первой трети учебного года. Правила начальных училищ для «инородцев», утвержденные Министерством народного просвещения 11 июня 1913 г., перечеркивали все либеральные уступки «инородческой» школе. В них указывалось, что установленное широкое применение «инородческого» языка в школе «не соответствует ни интересам государства, ни достоинству русского языка как языка государственного». Предписывалось начинать преподавание на русском языке как можно раньше. Правила допускали возможность привлечения к учительской работе лиц, не знающих «инородческого» языка [18, 89].

Подобные решения шли вразрез с развитием педагогической мысли. На «инородческой» секции первого всероссийского съезда по народному образованию, состоявшегося в декабре 1913 г. в Петербурге, была выработана резолюция о необходимости широкого использования родного языка в школе как основы развития полноценной личности, а использование «естественного» метода обучения русскому языку признано главной причиной отчуждения нерусского населения от школы [19].

Возможно, отголоском общественных настроений стало издание в 1915 г. русского букваря для карельских детей, подготовленного миссионером Карельского православного братства священником Виктором Никольским. Содержание букваря выдержано в великорусском духе, но в отличие от букваря Вольпера, применявшегося прежде в школах Карелии, в нем присутствует карельский язык, родное для карельских детей слово. Это было несомненным достижением для того времени. По сравнению с первым «учебником» – «Азбукой для карелов, живущих в Кемском уезде», букварь В. Никольского ушел намного вперед в содержательном, педагогическом и полиграфическом отношениях. Лишь два упомянутых издания, выпущенных в метрополии, предназначались непосредственно для карельских детей и включали в

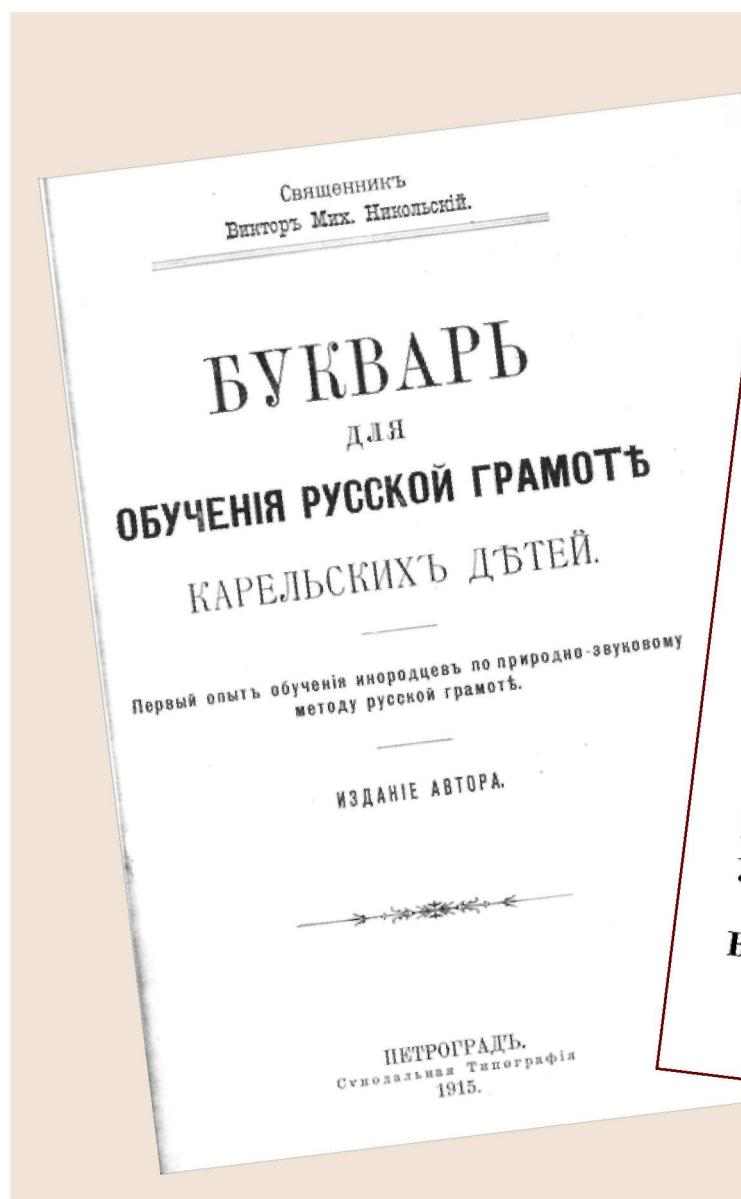

себя в мизерном объеме карелоязычные тексты. Все прочие книги и брошюры на карельском языке (чаще двуязычные издания на карельском и русском/церковнославянском языках с параллельными текстами) хотя и находили применение в школе, но предназначались прежде всего для священников и учителей, реже для чиновников.

Записки М. И. Успенского – петербургского окружного инспектора, посетившего в 1915 г. земское училище в с. Пряжа Петрозаводского уезда, показывают в общих чертах один из школьных вариантов обучения детей русскому языку. Инспектор, на которого произвели хорошее впечатление знания учеников, отнюдь не осудил практику, строившуюся на том, что дети «следят друг за другом, чтобы никто не говорил по-карельски; в противном случае жалуются учительнице» [21]. Однако во многих школах обучение русскому языку оставалось малоэффективным, что отражалось на выполнении программ по другим предметам. В отдельных школах Архангельской Карелии из-за слабого владения русской речью половина

и более учеников не допускались к выпускным экзаменам. Школьники, не окончившие полный курс школы, осваивали русский язык лишь на уровне понимания. Вместе с тем этот невысокий уровень владения русским языком позволял понимать содержание несложных рассказов по истории, географии, естествознанию. Выпускники школ в Карелии, переехавшие впоследствии в Финляндию, вспоминали, что русская школа давала более широкие знания по сравнению с теми, которые предусматривались программами финских школ [27].

Итак, осуществление языковой политики в школьной сфере корректировалось на местном уровне. На рубеже XIX–XX вв. метод Ильминского, допускавший родные языки «инородцев» в школу, использовался в большей мере в выполнявших миссионерские функции церковно-приходских школах Архангельской епархии. Как показывают события начала XX в., власти Олонецкой губернии даже в условиях некоторых идеологических послаблений периода первой русской революции занимали крайне осторожную позицию, не спешив-

40

*Лисица съѣла курицу=ребой сѣй канант
Два конца, два кольца, посерединѣ гвозди=какси агъюа, какси кольчуа, кес
кель нуаглу.*

объяснение, объявление

нн, лл, мм, кк, ии, тт, вв, сс, рр....	г-родъ=дин-ну
р-ю-ск-ий=веня-лай-нэ	братъ=вел-ли
к-а-мен-н-ый=ки-ви-нэ	мохъ=сам-маль
б-ог-нен-н-ый=ту-ли-нэ	за-мокъ=лук-ку
д-лайн-н-ый=ши-кю	оль-ха=леп-ши
с-сдора=р-ий-ду	сту-пёнь=пор-расъ
о-тесь=ту-ат-то	

*Богда бойтесь=Юмадуа варак-куа.
Русская земля=венянъ муа.
Каменный домъ=кивинэ коди.
Говори по-русски=пагизе веняксе.
Учись говорить по-русски=опасту паги
земахъ веняксе.
Вася выучился русской грамотѣ=Вася
опастуй венянъ кирьяхъ.*

Страницы букваря В. М. Никольского

Свидѣтельство об окончании церковно-приходской школы. 1914 г. КГКМ

ли воспользоваться появившимися возможностями либерализации школьно-языковой ситуации. Эта осторожность в значительной мере была вызвана страхом перед угрозой «лютеранизации» и «финнизации» Карелии. Родственный финскому карельский язык расценивался как возможный канал для проникновения чуждого влияния.

Допустив все же, хотя и в ограниченной мере, подход Ильминского в школу (Сеппо Лаллукка, перефразируя большевистский лозунг, охарактеризовал его как «национальный по форме и православный по содержанию» [9]), местные власти опирались в практической деятельности на образованных представителей карельского народа. Учителя, в совершенстве знавшие карельский язык, получали поддержку и имели шанс продвинуться по службе. Такой подход на деле вызывал эффект, обратный русификаторским устремлениям, поскольку подготовка национальных кадров и использование местных языков способствовали созданию национальной интеллигенции.

При всей непоследовательности в языковой политике государства, на местном уровне шел поиск более эффективных подходов и методов обучения «инородцев». Усовершенствование методики обучения карель-

ских детей русскому языку, ее применение на практике служили повышению качества знаний. Освоение русского языка «инородцами» объективно способствовало их интеграции в имперское пространство. Однако эти процессы сдерживались несбалансированным характером карельско-русского двуязычия, который формировала школа, в силу того что большинство школьников за кратковременный период обучения овладевали русским языком намного хуже, чем владели родным. С другой стороны, практика школьного преподавания, формировалась под воздействием комплекса разнородных причин, рождала ситуации, подчеркивавшие приниженный статус карельского языка. Такое положение вещей составляло конфликтогенный фактор, что проявилось в дальнейшем в развитии карельского национального движения.

Ключевые слова / keywords:

*история школы; языковая политика;
учебная книга*

*history of school; language policy; text
book*

Поступила 04.08.2008

55

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Архангельские губернские вести. — 1872. — № 57.
2. Витухновская, М. А. Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905–1917 / М. А. Витухновская. — Хельсинки ; СПб., 2006.
3. Государственный архив Архангельской области (ГААО). — Ф. 28.
4. Дмитриев, К.И. Цель русской школы в Кореле и предметы обучения // Тр. третьего съезда инспекторов народных училищ Олонецкой губернии. 3–8 июня 1908 г. — Петрозаводск, 1908.
5. Дубровская, Е. Ю. Из истории национально-демократического движения в Карелии в начале XX в. // Новое в изучении истории Карелии. — Петрозаводск, 1994. — С. 70–72.
6. Из переписки по вопросу о применении русского алфавита к инородческим языкам. — Казань, 1883.
7. Ильминский, Н. И. О системе просвещения инородцев и о Казанской центральной креценко-татарской школе / Н. И. Ильминский, Казань, 1913.
8. Краткая Священная история и молитвы на русском и карельском языках : рук. для законоучителей карел. шк. — Выборг, 1908.
9. Лаллукка, С. Подход Н. И. Ильминского к просвещению национальных меньшинств и политика коренизации в раннем советском периоде // Традиционное и новое в культуре народов России : тез. докл. и выступлений на всерос. конф. — Саратов, 1992. — С. 24.
10. Национальный архив Республики Карелия (НАРК). Ф. 1; 79; 335; 411.
11. Национальный архив Финляндии (Kansallisarkisto). Фонд канцелярии генерал-губернатора Великого княжества Финляндского — ККК.
12. Оленев, И. В. Заметки по обучению грамоте и русскому языку в инородческих школах // Рус. начальный учитель. — 1899. — Апрель. — С. 1–10.
13. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Конец XIX – начало XX в./ под ред. Э. Д. Диепрова, С. Ф. Егорова, Ф. Г. Паначина, Б. К. Тебиева. М., 1991.
14. Попов, Г. О панфинской пропаганде и мерах для борьбы с нею / Г. Попов. — Петрозаводск, 1907.
15. Постановления совета министра народного просвещения. Заседание 2 февраля 1870 г. Журнал № 42 // Журн. м-ва нар. просвещения. — 1870. — Март. — С. 55–57.
16. Российский государственный исторический архив (РГИА) — Ф. 733.
17. Сихво, Х. Национальные проблемы Карелии // Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. История карельского народа. — Петрозаводск, 1998.
18. Справочная книга по низшему образованию. — Пг., 1916. — Ч. 1.
19. Съезд по народному образованию // Журн. м-ва нар. просвещения. — 1914. — Апрель.
20. Труды третьего съезда инспекторов народных училищ Олонецкой губернии. 3–8 июня 1908 г. — Петрозаводск, 1908.
21. Успенский, М. И. По учебным заведениям Олонецкой губернии. II. В Петрозаводском, Олонецком и Лодейнопольском уездах // Изв. по нар. образованию. — 1917. — Ч. 52. — Февраль.
22. Центральный государственный исторический архив в Санкт-Петербурге (ЦГИА СПб.). — Ф. 139.
23. Чехов, Н. В. Народное образование в России с 60-х годов XIX в. / Н. В. Чехов. — М., 1912.
24. Чичерина, С. Как началось дело просвещения восточных инородцев // Журн. м-ва нар. просвещения. — 1907. — Сентябрь. — С. 1–62.
25. Dowler, W. The Politics of Language in Non-Russian Elementary Schools in the Eastern Empire, 1865–1914 // The Russian Review. — Vol. 54. — October 1995.
26. Ranta, R. Vienan Karjalaisen Litto ja rajantakainen koulukysymys 1906–10 / R. Ranta // Rajamailla IV. 1997. — Rovaniemi, 1998. — S. 123–125.
27. Samulinen, A. Olenevin koulussa // Karjalan heimo. — 1993. — № 7/8.

